

И.С. Вдовина

**З.А. Сокулер. «Субъективность, язык и Другой.
Новые пути и искушения мысли, открываемые учением
Эммануэля Левинаса» (М.: Университетская книга, 2016)**

Вдовина Ирена Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: isvdovina@mail.ru

В книге представлено учение французского философа Эммануэля Левинаса (1906–1995). Своеобразным введением в мир творчества Э. Левинаса служит в ней анализ особенностей языка мыслителя, который предостерегает от прямолинейного его восприятия и направляет на творческое прочтение текстов. В монографии исследованы основные понятия («ключевые слова») и главные темы философии Э. Левинаса, его отношение к классической философии, учениям М. Хайдеггера, Э. Гуссерля; проведено сопоставление с концепциями Л. Витгенштейна, Г. Когена, К.-О. Апеля. Автор монографии делает попытку рассмотреть перспективы, которые открывает учение французского мыслителя перед профессиональной работой философа в начале XXI в.

Ключевые слова: Другой, субъективность, встреча, лицо, отношение лицом-к-лицу, бесконечное, любовь, социальное, справедливость, ответственность, высь

Казалось бы, если следовать названию книги, она должна начинаться с философского анализа субъективности. Однако открывается книга размышлением автора о языке, и в частности, о языке философа Э. Левинаса. В центре внимания автора – метафизика одного из крупнейших мыслителей XX в., решившего говорить о том, что важно для современного человека и современного общества, на философском языке, избегающем морализаторства и вместе с тем требующем выполнения морального закона, который объявляют глаза другого человека, ответственности, которую человек не может с себя сложить (см. с. 30). Одна из особенностей философского языка Левинаса, справедливо отмечает З.А. Сокулер, заключается в его метафоричности, что соответствует пониманию хода самой философии Левинаса: философии свойственно «делать высказывания, чтобы потом отвергать их как искажающие и искать способы высказать то, что на самом деле высказано быть не может» (с. 19). В этом смысле, как утверждает автор книги, Левинас лавирует между понятиями и метафорами. Французский исследователь Ф.-Д. Себба в связи с этим отмечает, что философию Левинаса «окончательно постичь невозможно, она зовет к творческому прочтению ее текстов» [Sebbah, 2003, p. 218].

Язык Левинаса становится наиболее метафоричным (по словам З.А. Сокулер, гиперболическим и избыточным), когда он обращается к центральной для своей философии проблеме Другого, признание и принятие которого оказывается и возможным и невозможным одновременно. Но вместе с тем – необходимым. Обращение к Другому осуществляется за пределами всех возможностей человека.

Традиционно философия неразрывно связана с бытием, изначальным событием которого является познание самого себя. Левинас, вслед за Хайдеггером, ставит под вопрос онтологическую традицию в европейском мышлении. Немецкий философ предложил совершенно новое понимание бытия – оно выступает как акт любого сущего как сущего, оно способно «казать себя», «себя-в-самом-себе-показывать»; бытие «открывается»; его истиной является время. Французский философ стремится удержать этот вывод Хайдеггера: бытие у него предстает как безудержный, всё уносящий поток; метафора потока «открывает новые интуитивные догадки относительно бытия» (с. 60). Левинас разрывает классическую бинарную оппозицию Бытия и Ничто. На место Ничто он ставит пустоту, ее плотность, некое поле сил, «присутствие отсутствия» и для выражения этой парадоксальной ситуации вводит метафору *il y a*.

Метафора *il y a* играет существеннейшую роль в философии Левинаса. С ее помощью он описывает опыт бытия как бессмысленного и неугомного потока, увлекающего все неведомо куда и зачем, чуждого и враждебного субъективности. Это, как вслед за самим Левинасом утверждает автор монографии, есть основной момент анализа философа. Ведь именно из анонимности, безразличия, даже беспощадности и безжалостности, прикосновение которых повергает в ужас, рождается человеческое «я». Это – онтология нового типа, «онтология после Освенцима», тяготы которого в военные годы испытал на себе будущий философ.

Говоря о том, каким образом, согласно Левинасу, субъект становится и утверждает, З.А. Сокулер еще раз подчеркивает разрыв философа с классической традицией: последняя вообще не ставила вопроса о происхождении, истоке и становлении субъекта и, по убеждению Левинаса, традиционной философии свойственна «непреодолимая аллергия» по отношению к Другому; для нее он уже был, и при этом он устроен адекватным образом для такого типа деятельности, к которой был призван: оправдать активность и индивидуальную ответственность человека.

Философия конца XIX – XX вв. в лице Ницше, Маркса, Фрейда, Хайдеггера, Витгенштейна, Фуко и др. проделала большую работу по деконструкции классического понятия субъекта: децентрализованный субъект получает телесное воплощение, бессознательное, желание, становится уязвимым, конечным, смертным. Левинас тоже деконструирует понятие субъекта, но делает это особым образом. Как справедливо отмечает автор монографии, главная претензия Левинаса к классическому субъекту заключается в том, что тот самотождествен и самодостаточен. Майевтика Сократа и *cogito* Декарта, монады Лейбница, субъект-субстанция Гегеля, трансцендентальное единство апперцепции у Канта, по мысли Левинаса, только разворачивают изначальное составляющее их самотождественное содержание. В этой связи З.А. Сокулер с полным основанием задает Левинасу вопрос: разве, например, в эмпирическом познании субъект не выходит за свои пределы и в этом смысле не сохраняет самотождественность? разве познающий субъект не готов к встрече с непредвидимым? разве познающий субъект не включает в себя в виде новых теорий и новых методов иное? Левинас, в свое время и заочно отвечая на подобные вопросы, обращался к метафоре «поедание», которая объясняет суть отношения разума и внешнего мира: познающий субъект, усваивая познаваемое, восстанавливает свою самотождественность; знать значит поедать.

Нельзя не заметить, что в вопросах автора монографии присутствуют ключевые слова, определяющие суть поиска Левинаса в объяснении субъекта: выход за собственные пределы, встреча, иное. Левинас предлагает свой способ (настаивает на нем и доказывает его необходимость) конституирования субъекта-субъективности, когда субъект встречается Другого, а отношение к Другому описывается как трансценденция. «Левинас следует той философской традиции, которая видит в трансценденции подлинную задачу субъекта» (с. 145).

На первый взгляд, можно предположить, что левинасовский субъект, рождаясь из анонимного хаоса *il y a*, сам себя полагает, собственными усилиями буквально вытаскивает себя из толщи бытия, как если бы «поедание» чудесным образом могло удовле-

творить тягу к трансцендентному. Однако трансценденция у Левинаса свидетельствует об открытости субъективности иному, о метафизическом желании, которое возникает по ту сторону голода и вообще не взывает к насыщению. При характеристике метафизического желания Левинас обращается к понятию Другого, используя такие метафоры, как близость, лицо, след, стыд, вина и др. Это, казалось бы, вполне привычные слова, но философ избегает их однозначной интерпретации и, опираясь на них, стремится раскрыть облик Другого, о котором говорит его философия, и в то же время главнейшее свойство человеческой субъективности – устремленность за пределы.

Для описания феномена, превосходящего сознание индивида, Левинас использует понятие «бесконечное», которое, скорее, также является метафорой: бесконечное служит для обозначения того, что превосходит свое понятие. Бесконечное «наилучшим образом подходит для выражения того, что Левинас вкладывает в свою идею Другого как подлинно другого...» (с. 150). **Он наделяет субъективность человека «метафизическим желанием»**, о котором говорилось выше.

Понятие-метафора «близость» не говорит о пространственном отношении; она конституирует субъективность человека тем, что открывает ее страданиям и нуждам Другого. Субъективность у Левинаса открыта близости Другого, она отвечает на обращенный к ней призыв, просьбу, мольбу Другого и обретает цельность, устойчивость как тот, к кому обращаются и в ком нуждаются. Опыт близости возник до субъект-объектных отношений, когда в естественном вздохе одного человека другой человек впервые с удивлением ощутил обращенный к нему призыв выслушать его, понять и совместно оберегать бытие.

Лицо у Левинаса в определенной мере является синонимом Другого. Лицо – это представление себя самим собой, не имеющее ничего общего с представлением вещей. Лицо выражает незащищенность человека, его открытость страданиям. Лицо имеет выражение, и именно лицо говорит, оно дает возможность людям слушать и понимать друг друга. «Лицо – это след, оставленный Богом... Он всегда пребывает с нами» (с. 154).

Обращение к Третьему будто бы нарушает встречу с Другим, отношение близости с ним, ситуацию лицом-к-лицу. Однако, как показывает автор монографии, Третий, а вместе с ним и общество, возникают одновременно с Другим и требуют справедливости, так что социальность оказывается производной от уникального отношения с Другим, «надстраивается» над ним. В связи с этим (и не только) З.А. Сокулер специально обсуждет вопрос о роли Другого и других, о «друговости» в целом, в поисках истины, в продуктивном развитии науки и подчеркивает: Левинас настаивает на том, что реализация того, что превыше бытия, т. е. Блага, необходимо взывает к разуму; «без разума невозможна справедливость в обществе» (с. 219). Не могу не привести яркого в этом плане суждения Э. Левинаса – З.А. Сокулер: «Субъективность не должна выходить навстречу Другому с пустыми руками. Знание как инструмент решения проблем является очень ценным и практичным подарком» (с. 214).

Таким образом, З.А. Сокулер выделяет и анализирует основные понятия учения Э. Левинаса, позволившие французскому мыслителю говорить об этике как «первой философии». Освоение учения Э. Левинаса в отечественных историко-философских исследованиях началось, насколько я знаю, в конце 70-х гг. XX в., когда его труды были закрыты в «спецхранах», а работы о нем предназначались исключительно «для служебного пользования» и каждая из них имела свой индивидуальный номер. В одной из них «Природа философского знания. Часть II: Современная феноменология: состояние и перспективы (критический анализ)» (М., 1977, экз. № 001774), в статье-обзоре, посвященном феноменологии во Франции, рассматривались идеи Э. Левинаса (имя которого было исправлено редактором так: Э. Левина́). Здесь основными темами его философии были названы: новая трактовка гуссерлевской интенциональности как способности человека к трансцендированию – за пределы бытия, «для другого»; близость как особое отношение одной субъективности к другой; человеческое общение как «близость близкого». В книге переводов [Левинас, 2004, с. 733–743] представлено более 30 «ключевых понятий философии Э. Левинаса».

Сегодня в России мы имеем две добротные монографии, посвященные творчеству Эмманюэля Левинаса: [Ямпольская, 2011; Сокулер, 2016]. В них философия Левинаса и ее ключевые понятия проанализированы с завидной компетентностью и пониманием существа дела. Исследования прекрасно дополняют друг друга: А. Ямпольская первую часть книги посвящает очерку биографии Э. Левинаса в контексте интеллектуальной истории Европы первой половины XX в. и влиянию на Левинаса духовной традиции иудаизма; З. Сокулер, как отмечалось выше, начинает свой труд с исследования вопроса о языке в философии Левинаса как своего рода введения в нее. Сердцевину же и той и другой книги составляет анализ роли Другого в конституировании субъекта, этики как первой философии, защищающей ценность человеческой жизни.

Список литературы

- Левинас, 2004 – *Левинас Э. Избранное: трудная свобода*. М.: РОССПЭН, 2004. 750 с.
 Сокулер, 2016 – *Сокулер З.А. Субъективность, язык и Другой. Новые пути и искушения мысли, открываемые учением Эмманюэля Левинаса*. М.: Университ. Кн., 2016. 240 с.
 Ямпольская, 2011 – *Ямпольская А. Эмманюэль Левинас: философия и биография*. Киев: Дух і літера, 2011. 376 с.
 Sebba, 2003 – *Sebba F.-D. Levinas. Ambiguïtés de l'altérité*. P.: Société d'éditions les Belles Lettres, 2003. 224 p.

Book review: Z.Sokuler. Subjectivity, Language and Other. New Ways and Temptations of Thought Opened by the Teachings of Emmanuel Levinas

Irena Vdovina

DSc in Philosophy, Chief Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: isvdovina@mail.ru

The book presents the teachings of the French philosopher Emmanuel Levinas (1906–1995). The world of his oeuvres is introduced through the analysis of his peculiar language, cautioning against straightforward understanding and encouraging creative reading of his texts. The monograph studies the main notions (“key words”) and themes of Levinas’s philosophy, his relation to classical philosophy and the teachings of M. Heidegger, E. Husserl; compares his conceptions to those of L. Wittgenstein, H. Cohen, K.-O. Apel. The author tries to examine the prospects opened by the work of the French thinker before the professional philosopher of the early 21st century.

Keywords: the Other, subjectivity, meeting, face, face-to-face relationship, eternity, love, sociality, justice, responsibility, height

References

- Levinas E. *Izbrannoe: trudnaya svoboda* [Selected Works: Difficult Freedom]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004. 750 p. (In Russian)
 Sebba F.-D. *Levinas. Ambiguïtés de l'altérité*. P.: Société d'éditions les Belles Lettres, 2003. 224 p.
 Sokuler Z.A. *Sub'ektivnost', yazyk i Drugoi. Novye puti i iskusheniya mysli, otkryvaemye ucheniem Emmanuelya Levinasa* [Subjectivity, Language and Other. New Ways and Temptations of Thought Opened by the Teachings of Emmanuel Levinas]. Moscow: Universitetskaya kniga Publ., 2016. 240 p. (In Russian)
 Yampol'skaya A.V. *Emmanuyel' Levinas: filosoifiya i biografiya* [Emmanuel Levinas: Philosophie and Biographie]. Kiev: Duxh i litera Publ., 2011. 376 p. (In Russian)